

*Basellischgus, du giftiger wurm und boeser fasel,
nu heb den schilt der wirdigen stat Basel¹.*

**Старинный девиз,
начертанный на городском гербе**

ПРОЛОГ

Э то случилось пять с половиной веков назад. Августовское солнце озаряло тёплыми лучами Рейн, ветерок шептал в листве, и граяли над скопищем крыш нахальные вороны. Но в ушах людей звучал их крик зловещим набатом, ибо лишь один беспощадный правитель царствовал на земле в то время — бубонная чума. Страх разогнал жителей по домам, заставив запереть окна и двери в тщетных попытках защититься от моровой язвы. Напрасно молились монахи в монастырях и священники в церквях, взывая к Всевышнему о спасении. Молчал Господь, молчали дома и мостовые, молчала река, и только вороны торжествующим карканьем нарушали тишину в полумёртвом городе. Никого не было около городского моста в тот знаменательный день, поэтому никому не довелось увидеть шествие, столь неуместное в годину бедствий.

Первыми на мост вышли пятеро горожан, облачённых в богатые наряды. Они тащили небольшой сундук, окованный железом и щедро украшенный чужеземной резьбой. Следом показался старик в рас-

---

¹ О василиск, червь ядовитый, злой дракон,
Держи щит Базеля и охраняй закон (*средневек. верхнемем.*).

шитой золотом ризе. Он опирался на потемневший от времени деревянный посох, увенчанный округлым завитком наподобие улиточной раковины. Замыкал процессию закутанный в бурый плащ человек, прятавший лицо под капюшоном. Его ноги заплетались, подошвы шаркали, голова болталась. Кажалось, он сейчас рухнет под невидимым гнѐтом, но таинственная сила словно вздёргивала незнакомца за плечи и заставляла тащиться следом за важными спутниками.

Когда процессия достигла середины моста, горожане с видимым облегчением поставили сундук, глухо лязгнувший о камни. Старик приблизился и властно поднял руку. Повинуясь его жесту, пятеро открыли сундучок, вытащили оттуда нечто, завёрнутое в дерюгу, положили на мостовую и опустили на колени. Только человек в плаще по-прежнему стоял безучастно, слегка покачиваясь, словно засохшее дерево на ветру...

Несколько рук протянулись одновременно и развернули свѣртки. Тогда испуганные вороны с карканьем закружились над мостом, ибо нестерпимый блеск от маленькой вещи полыхнул и устремился ввысь. Старик в ризе повелительно ткнул пальцем в сияющий предмет.

Ожил человек в буром плаще. Медленно подошёл он к коленопреклонѐнным людям и выпростал из рукавов тонкие кисти рук. Высоко взметнулись они, подобно трепещущим мотылькам. И прозвучали над городом неслыханные доселе слова. Не человек произнёс их, не ветер прошептал, не прожурчала река.

Глухо, тяжело упало на город неизбывное заклятье. Тогда умерло великолепное сияние, и остался лежать на мосту чёрный, бесформенный камень. Повинуясь приказу, сановники положили его на перила. Человек с посохом перекрестился и решительно столкнул камень в реку.

И произошло невероятное.

Взлетели сонмища капель, которые стали множиться, сплетаясь и завиваясь в бурлящую тучу, обретающую знакомый ужасный облик. Над мостом, над городскими крышами, кипя миллионами брызг, вознеслось новорождённое чудовище. Сверкнула невесть откуда взявшаяся молния. На мост обрушился ураганный порыв ветра. Небо за клубилось чёрными облаками, они стремительно росли, громоздясь друг на друга. Призрак поднялся рывками, будто пытался сбросить невидимые цепи, но тут прокатился оглушающий громовой раскат и хлынул с небес всеочищающий ливень. И смешались капли дождя с телом страшилища, и опустился бессильно зловещий дух обратно в реку.

Дождь насквозь промочил роскошные одеяния, заставил всех дрожать и переминаясь с ноги на ногу, но люди стояли, позволяя струям чистой воды беспрепятственно омыwać лица. И никто не заметил, что человек в буром плаще медленно осел, завалился на бок, а затем и вовсе растаял, оставив лишь бесформенную грудку мокрого тряпья.

Начали распахиваться окна. Горожане, не понимавшие, откуда обрушилась гроза с ясного неба, крестились и шептали молитвы. Сначала робко, а потом

смелее зазвонили колокола. Радостно, победно прокатился звон по базельской земле. Он звал всех на улицы, пел о том, что бедствия кончились, что чума ушла, что жизнь теперь будет прекрасна, что взойдёт пышный урожай и наполнятся закрома, что город отныне будет вечно богат и славен, а беды и несчастья никогда не потревожат благословенную долину Рейна. Дождь всё лил и лил, очищая улицы от зловонного дыхания смерти. И по-прежнему стояли на мосту сановники в промокших одеждах, жадно глотая низвергавшуюся с небес животворную влагу...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*О том, что и в эпоху интернета
не следует забывать о библиотеках*

Человеческая жизнь сравнима с полноводным потоком, капризным и неудержимым. Аналогия банальная, однако верная. Течёт, бурля водоворотами и перекатами, река нашего существования. Людские характеры можно уподобить предметам из её чрева или жителям водной стихии. Одни мечутся стайками на мелководье, напоминая очумелых мальков, так и не ставших взрослыми рыбами. Другие смахивают на камни, обросшие водорослями: никакое течение не сдвинет их с места, пока не опустится ковш экскаватора и не сковырнёт застывшие булыжники. Кое-кто хищной щукой прячется в зарослях, а иные щепками несутся вниз по течению, чтобы рано или поздно провалиться в омут небытия. Все судьбы разные в потоке жизни, и лишь одно объединяет пёстрых обитателей реки: никто не может войти в неё дважды.

Если и дальше пользоваться такими сравнениями, то охранника спецотдела университетской библиотеки следует уподобить опоре железнодорожного моста. И дело отнюдь не во внешности, хотя страж

действительно напоминал пузатый каменный столб. Главным свойством его характера была незыблемая страсть к порядку. Именно этим он смахивал на могучего «быка», несущего груз железнодорожных путей. Глядя на двух сердитых студентов, охранник лишь весело топорщил седые усы. Нет допуска — нет доступа, и разговор кончен!

Но стоящие перед сторожем молодые люди заслуживают отдельного описания. Вот несколько цифровых снимков, ныне хранящихся на жёстком диске полицейского компьютера.

Первый парень малопримечателен. Возраст неопределённый, что-то около тридцати. Роста среднего, волосы тёмно-русые. Глаза серые, глубоко сидящие и расположены близко к переносице. Несмотря на грубые черты лица, приятная улыбка. Фигура коренастая, походка слегка косолапая. В одежде его интересует не изящество, а удобство. Джинсы, коричневая куртка с опушкой да кроссовки — вот и все изыски. Сейчас он стоит, широко расставив ноги, и сверлит глазами охранника, не понимая, что для воздействия на такую глыбу потребуется как минимум динамит.

Его спутник намного интереснее. Высокий брюнет, слегка сутулый и горбоносый, он похож на дрозда, вздумавшего прикинуться человеком. Сходство усиливается благодаря чёрному пальто и апельсиновому кашне. Он молод, не старше двадцати пяти, но щегольски вертит в руках тросточку и надвигает на лоб шляпу в духе Аль Капоне. Карие глаза насмешли-

во глядят из-за фотохромных стёкол в модной оправе. Бородка и усики аккуратно подстрижены, щёки гладко выбриты. Из кармана торчат замшевые перчатки.

— Нет, нельзя, — скрестил охранник руки на груди.

— Поймите, — наседал коренастый, — нам нужно поговорить с Магдаленой Ланц! Она мобильник выключила, невозможно дозвониться!

— Ни-ни! — пошевелил усами страж. — Если хотите, я её позову, вот и поговорите.

— Да знаю я Магду, — вздохнул парень в куртке и почесал подбородок. — Зарылась в архивах, теперь до вечера не вылезет. Трудоголичка!

— Ладно тебе, Лука! — отозвался пижон в пальто. — Имей терпение. Подождём, посидим в зале. Никуда она не денется.

— А письмо? — вскинулся коренастый. — Надо же передать!

— Так я могу передать, — вмешался охранник. — В чём проблема-то?

Оба посетителя уставились на него, словно увидели впервые.

— Эм-м-м... — протянул долговязый. — Вообще-то, она просила лично...

Пожилой здоровяк оскорбился.

— Не доверяете? — запыхтел он, краснея от обиды. — Я двадцать семь лет честно здесь служу! Меня все знают! Я...

— Ну хорошо, хорошо! — пижон вытащил измятый конверт. — Вот. А мы всё-таки подождём.

— Это пожалуйста, это сколько угодно, — сменил охранник гнев на милость.

Он взял письмо, запер за собой дверь и двинулся в глубь хранилища, насмешливо ворча про себя:

— Сидите хоть до утра, голубчики. Из хранилища можно и служебным выходом уйти, хе-хе...

Когда хранитель манускриптов удалился, визитёры переглянулись.

— Ну что, Йонас? — спросил тот, кого пижонистый спутник назвал Лукой. — Подождём здесь или у служебного выхода?

— Давай я здесь, а ты там, — предложил Йонас, поигрывая тросточкой, как Чарли Чаплин.

Лука рассмеялся и усталился Йонасу в переносицу:

— Ты будешь книжечки листать, а я в кустах топтаться? Дудки! Бросим жребий.

— Монетку?

— Идёт. На, вот один евро.

— Убери это к чертям. Что, наших денег нет?

— Есть пять франков.

— О'кей, бросай. Орёл — я остаюсь, решка — ты.

— Годится. Оп!

Монета взлетела под потолок. Длинный Йонас поймал её и хлопнул ладонью о тыльную сторону кисти. Лука вытянул шею.

— Ты жульничал! — вскричал он, увидев орла. — Я бросал, мне и ловить!

Йонас ядовито улыбнулся:

— Проигрывать надо с достоинством. Мы не уговаривались, кто будет ловить. Ступай к служебному выходу и смотри не засни там.

— Трюкач! — буркнул Лука и вперевалочку направился к двери.

Но на полпути обернулся:

— Пять франков верни, ворюга!

— Жмот!

Пятифранковая монета полетела Луке в лицо. Крепыш еле успел её схватить. Затем, подражая Йонасу, хлопнул ладонью о тыльную сторону кисти.

— Тыфу, зараза! — каркнул он разочарованно. — Всё равно орёл!

Махнул рукой и вышел.

* * *

— Фрау Ланц!

Девушка оторвалась от лежащего перед ней пергамента и уставилась на охранника. Мысленно она ещё находилась в позднем Средневековье.

— Вам просили передать, — добавил сторож, подавая письмо.

Девушка окончательно пришла в себя.

— Кто? — поинтересовалась она и несколько раз крепко зажмурилась, чтобы стряхнуть наведённое манускриптом наваждение.

— Те самые, — подмигнул охранник. — Точь-в-точь как вы описывали.

Магдалена потянулась, выпятив грудь, отчего честный вахтёр смущённо прокашлялся и пригладил усы.

— Вы их турнули, надеюсь, — рассеянно спросила она, вскрывая конверт.

Здоровяк вздохнул:

— Турнёшь их, как же. Будут ждать в холле.

— А меня через служебный выход не выпустят?

Охранник снова вздохнул:

— Съезжать вам надо из общежития, фрау Ланц, — произнёс он сочувственно. — Эти двое совсем обнагтели. Впору заявлять в полицию.

Магда с горящими глазами поглощала содержимое письма:

— Леон, милый! Знаете, что это такое?

— Нет, — толстяк с интересом придвинулся.

— Ответ из архива Брюгге! Насчёт письма Конрада Витца Яну ван Эйку! Представляете, они даже прислали снимок оригинала и расшифрованный текст!

Охранник присвистнул:

— Неужели вы правы, фрау Ланц? — спросил он с уважением.

— А вот сейчас узнаем, — ответила Магдалена и углубилась в чтение.

Впоследствии, глядя на фотографии Магдалены Ланц, комиссар полиции Штефан Райнерт пытался убедить себя, что приложил все усилия и ни в чём не виноват. Но дело о василиске так и осталось занозой, намертво засевшей в глубине души...

Среднего роста блондинка с прямыми волосами до лопаток. Возраст — двадцать три года. Лоб высокий, глаза голубые с прозеленью. Судя по носу картошкой, молодая особа явно не благородных кровей. Небольшой белый шрам, вздёрнувший верхнюю губу, несколько не портит милую улыбку. И фигура у фрау Ланц выше всяких похвал — крепкая, спортивная,

с высокой грудью и широкими бёдрами. Одета барышня просто: светло-синие джинсы и нарочито небрежно застёгнутая блуза. Видно, что она знает себе цену и не стоит ухажёрам переходить известные границы. Тогда украшенная шрамом губа презрительно приподнимается, ясный взор темнеет и очаровательная мадемуазель превращается в разъярённую кошку. Походка Магдалены решительная, целеустремлённая, движения плавные, женственные.

— Ну, что там? — сгорал от любопытства охранник Леон.

— Судите сами.

Магда склонилась над письмом:

Любезный брат мой по кисти, достославный мастер Ян! Едва прибыв на родину и почти не отдохнув после долгой поездки, я вновь приступаю к работе. Как я уже писал, мои помыслы устремлены на создание произведения, должного затмить все творения, вышедшие из моей мастерской. Ты знаешь, что начало положено, первая фреска закончена и мои ученики готовят стену церковного кладбища для дальнейшей росписи. В своих странствиях я неоднократно задумывался, каким сюжетом следует завершить «Пляски Смерти», дабы придать им особое значение, упущенное в работах других мастеров. Полагаю, наилучшим окончанием может стать преображение Смерти под влиянием Великой Любви. Мы с тобой немало спорили о связи этих двух противоположностей, так и не придя к окончательным выводам, но я по-прежнему